

## ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ВСЕРОССИЙСКОГО НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО “КРУГЛОГО СТОЛА” ЖУРНАЛОВ “ГОСУДАРСТВО И ПРАВО” И “ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ” НА ТЕМУ “ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ”

*Цель “круглого стола” – проанализировать существенные аспекты формирования и реализации правовой политики на различных уровнях. Было отмечено, что правовая политика нуждается в научном обосновании, придании ей системности как на федеральном, так и на региональном уровне.*

*The purpose of a “Round Table” – to analyze essential aspects of formation and realization of legal policy at various levels. It was noted, that the legal policy needs scientific justification, giving of systematic to it both on federal, and on regional level.*

**Ключевые слова:** правовая политика, федеральная правовая политика, региональная правовая политика, правовая жизнь, судебно-правовая жизнь.

**Key words:** legal policy, federal legal policy, regional legal policy, legal life, judicial and legal life.

6 апреля 2016 г. на базе Кизлярского филиала Санкт-Петербургского государственного экономического университета (СПбГЭУ) сотрудники Саратовского филиала Института государства и права РАН совместно с журналами “Государство и право” и “Правовая политика и правовая жизнь” провели Всероссийский научно-практический “круглый стол” на тему “Политическая и правовая жизнь в современной России: федеральный и региональный уровни”.

В Кизляр прибыли ученые-правоведы из Москвы, Астрахани, Казани, Краснодар, Саратова, Пензы, Тамбова, Таганрога, Пятигорска. В работе “круглого стола” приняли участие представители органов власти Республики Дагестан, муниципальных образований, судьи, работники прокуратуры, адвокаты. “Круглый стол” открыл директор филиала СПбГЭУ в Кизляре, член общественной палаты Республики Дагестан, канд. экон. наук, проф. Р.Н. Нагиев. Представив гостей, он отметил важность и необходимость проведения дискуссии по различным аспектам политической и правовой жизни современного российского общества, причем с участием ведущих правоведов, что само по себе является значительным событием в жизни Кизляра.

Директор Саратовского филиала ИГП РАН, главный редактор журнала “Правовая политика и правовая жизнь”, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ А.В. Малько, а также профессора Саратовской государственной юридической академии (СГЮА): доктор ист. наук И.Н. Коновалов и доктор соц. наук А.П. Плешаков, – отметили, что среди негативной части политико-правовой жизни общества особое место занимает такая их теневая составляющая, как “цветные революции”, которые, будучи политико-правовыми технологиями, превратились в один из компонентов “мягкой силы”, с помощью которой США и западные страны меняют в других государствах политическую элиту, перераспределяют властные рычаги и денежные потоки в свою пользу.

Несмотря на существенные различия государств в геополитическом, социальном, экономическом плане и международном положении, “цветные революции” укладываются в одну и ту же организационно-теневую схему: 1) внешнее давление (со стороны США и их союзников); 2) раскол правящей элиты и как результат – падение авторитета государственного руководства

(например, Бен Али в Тунисе, Хосни Мубарака в Египте, Муамара Каддафи в Ливии, Башара Асада в Сирии, Виктора Януковича на Украине); 3) участие в незаконных уличных акциях радикально настроенной молодежи, руководители которой прошли подготовку в центрах, специализирующихся на вопросах содействия так называемой демократизации; 4) открытая пропаганда вражды и ненависти в социальных сетях, выполняющих мобилизационную роль разношерстной политической оппозиции; 5) организация различных провокационных акций, начиная от бессрочных митингов и заканчивая массовыми беспорядками и столкновениями с представителями правоохранительных органов; 6) захват власти, который с помощью “должного” информационного фона становится в глазах граждан легитимной, демократической процедурой.

Авторы привели результаты социологических опросов, проведенных Саратовским филиалом ИГП РАН среди студентов 13 вузов России, позволяющие выяснить отношение студенческой молодежи к феномену “цветных революций”. В частности, большинство опрошенных определилось с тем, что “цветные революции” являются продолжением двойных стандартов в политике и рассматривают их как способ свержения негодных режимов (36%). Еще 28% – как попытки США и западных стран сохранить свое ведущее положение в мире. Но настораживает и то, что 5% студенческой молодежи видят в “цветных революциях” путь к демократии. Большинство молодых людей за то, чтобы сохранить порядок и согласие в обществе, хотя 30% из них теоретически допускают возможность “цветной революции”, так как в России имеется несистемная оппозиция, а 27% допускают такую возможность при расколе политической элиты. При этом 33% высказывают мнение, что “цветная революция” в России невозможна, поскольку страна объединилась вокруг своего лидера.

Политическая и юридическая практика, по мнению выступавших, сегодня убедительно свидетельствует о том, что с технологиями “цветных революций” можно и нужно бороться. Основные принципы противодействия им таковы: 1) адекватность; 2) своевременность; 3) профилактика. В качестве же главных инструментов, противостоящих угрозе “цветных революций”, респонденты называют выработку правовых

механизмов защиты информационного пространства (43%), разработку нового идеологического проекта (24%), создание средств контрпропаганды (22%) и собственных НКО (11%), хотя кроме этого необходимо преодоление таких факторов, как резкое ухудшение экономического положения, безработица, правовая незащищенность и т.п. В России должна быть разработана собственная система (модель) противодействия “цветным революциям” как весьма опасной теневой составляющей политико-правовой жизни общества.

**Профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, доктор юрид. наук В.В. Трофимов<sup>1</sup>** раскрыл наиболее значимые моменты проблемы понимания правовой жизни в контексте постнеклассического типа рациональности. Перспективы развития любой отрасли научного знания, в том числе знания юридического, определяются различными факторами, среди которых, как представляется, умение адекватно выстраивать параметры теоретико-методологического поиска, соответствующие современным общенаучным тенденциям и отвечающие тем парадигмальным переменам, которые происходят в науке. При этом обновления одной методологии юриспруденции вряд ли достаточно, так как сами по себе методы – это всего лишь инструментарий в арсенале исследователя, и эффективен он лишь тогда, когда есть предмет его применения, т.е. то исследовательское поле, которое подвергается анализу и проч. Думается, именно в надлежащем выборе объектно-предметной сферы скрываются предпосылки перспективного развития научного знания в области права. Однако такую постановку не следует понимать только в экстенсивном плане, т.е. устремляясь к расширению границ теоретико-правового познания вообще; здесь нужен более тонкий механизм, имеющий в чем-то эпистемологическое происхождение, связанный с выбором самих познавательных ориентиров в отношении научного предмета познания.

С точки зрения В.В. Трофимова, многое зависит от того, какой взгляд на познаваемый мир права избирает исследователь: либо он зашоривает таковой, утрируя мир и сводя его к одному или максимум – двум “измерениям”, выстраивая для познания некоторые формализованные схемы и процедуры (например, право – продукт государства), которые со временем консервируются и оказываются уже неспособными к динамическому обновлению, либо субъект познания изначально ориентируется на мир правовых явлений во всем его многообразии, т.е. на тот “объект”, который охватывается исследовательским взором со всех сторон и по всем уровням (рассматривается, как минимум, в трех “измерениях”), и тогда познавательный юридический процесс и соотношение субъект – объект уже не может быть тривиально однозначным (неуглубленным). Отсюда – предмет юриспруденции, т.е. некая грань наблюдаемого объекта, уже не столь скуп на информационный материал для установления значимых законов его развития, тогда и набор методов правоведения, их арсенал объективно становится более многоплановым, и они действительно эффективны и способны к самообновлению.

Одним из направлений преодоления существующих в правовой науке теоретико-методологических сложностей выступает вектор на обновление понимания объектной сферы общей теории права или юриспруденции в целом. В качестве объекта предлагается закрепить на уровне всеобщей парадигмы феномен “правовая жизнь общества” (и возможно, поскольку связь

с государством неоспорима, – “государственно-правовая жизнь”). Этот выбор отвечает характеристикам современного постнеклассического этапа развития научного (в том числе юридического) знания, который можно охарактеризовать следующими ключевыми признаками: 1) исходное допущение того, что в качестве познаваемого объекта выступают сложные саморазвивающиеся системы; 2) требование новой категориальной сетки познания; 3) понимание объектов как процессов непрерывного взаимодействия; 4) понимание научного познания как особого компонента культуры и социальной жизни; 5) расширение набора признаков, характеризующих познающего субъекта. Правовая жизнь как объект юридического познания наиболее органично предполагает все вышеназванные основные характеристики современного типа рациональности. Правовая жизнь – это категория иного порядка, иной познавательной перспективы, которая отвечает постнеклассическому этапу развития научного юридического знания.

**Профессор кафедры “Правосудие” Пензенского государственного университета, доктор юрид. наук П.А. Гук** подчеркнул, что одним из ключевых элементов правовой жизни в современных условиях является судебная деятельность по осуществлению правосудия судебными органами посредством конституционного, гражданского, административного, арбитражного и уголовного судопроизводства. Судебная деятельность связана не только с рассмотрением спорных случаев, но и с деятельностью органов судейского сообщества, которое образуется из судей федеральных судов всех видов и уровней, судей субъектов Федерации и составляет единую судебную систему России. Многогранность судебной деятельности в правовой жизни России определяет, формирует, развивает судебно-правовую жизнь как разновидность правовой жизни.

Судебно-правовая жизнь охватывает все сферы деятельности (нормотворческая, правоприменительная, охранительная и др.), связанные с формированием и развитием судебной системы России, реализацией полномочий судебными органами, имеет свою специфику регулирования судебно-правовых отношений нормативными правовыми актами (Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, постановления Правительства РФ, Указы Президента РФ, конституции (уставы) субъектов Федерации). Основными субъектами выступают судьи, должностные лица судебной системы, законодательная и исполнительная власть, Президент РФ, его администрация, высшие должностные лица субъектов Федерации, граждане Российской Федерации.

Развитие, содержание, качество судебно-правовой жизни во многом зависят от правовой культуры и правосознания субъектов.

Судебно-правовая жизнь связана с рассмотрением и разрешением правовых споров, созданием правовых положений (прецедентов), поскольку позитивные результаты судебной деятельности регулируют общественные отношения, поддерживая тем самым определенную правовую стабильность в обществе, что, в свою очередь, прямо и непосредственно затрагивает повседневную жизнь людей.

В судебно-правовую жизнь включается также деятельность органов судейского сообщества (квалификационных коллегий судей и советов судей, конференции, съезды судей); освещение в СМИ осуществления правосудия российскими судами (комментарии по актуальным, резонансным делам, рассмотренным судебными органами); обзоры постановлений Европейского Суда по правам человека, судебной практики Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, постановления Пленума

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00238.

Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, их комментарии и др.

Таким образом, судебная-правовая жизнь есть особая разновидность правовой жизни современного российского общества, которая выступает показателем эффективного развития и функционирования правовой системы в целом.

**Доцент Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове (ВГУЮ (РПА Минюста России)), канд. ист. наук В.А. Затонский** посвятил свое выступление государству как субъекту правовой жизни общества. Он отметил, что анализ государства в данном качестве нужно проводить, основываясь на его объективном восприятии обществом, частью которого оно и является, которому призвано служить, а также посредством ответа на вопрос о том, насколько результативно государство выполняет свое социальное назначение.

В самом общем виде социальное назначение государства заключается в сохранении данного общества, сбережении народа, обеспечении целостности социума и его развития. Как гласит ст. 7 Конституции РФ, политика государства “направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека”.

Рассматривая государство в качестве субъекта правовой жизни общества, автор исходит из посыла о том, что эффективность государственной власти может быть с наибольшей достоверностью оценена по степени защиты ею интересов общества в целом и конституционных прав каждого человека в отдельности.

Вместе с тем осмысление процессов, сопровождавших развитие российской государственности в последние два десятилетия, позволяет сделать вывод о том, что существенный рост эффективности государства как субъекта правовой жизни, не подкрепленный экономической мощью, просто невозможен. Способность государства обеспечить потребности общества в организации полноценного управления произрастает из полноценного экономического базиса самого общества. Именно такая способность может создать правовую культуру, которая, в свою очередь, оздоровит нынешнее состояние правовой жизни, характеризующее пока во многом теневой и не нормативной деятельностью.

Для этого требуется ряд условий: а) наличие достаточно зрелых демократических механизмов; б) оптимизированная организационная структура государства; в) развитое рыночное законодательство. При этом есть условие, которое, по мнению В.А. Затонского, является решающим. Государство должно в полной мере проявить себя как эффективный производитель управленческого продукта, т.е. эффективного законодательства, общественных товаров (оборона, безопасность, социальная инфраструктура и т.п.), государственных услуг.

Правовая жизнь современного Российского государства характеризуется значительным количеством неупорядоченных и недостаточно организованных сфер. Большая часть этих отношений в рамках как правотворческой деятельности, так и правоприменения (исполнения), находится в области непосредственного влияния государственного управления и опосредуется им. В этой связи, отметил В.А. Затонский, важной задачей выступает определение места и роли осуществляемой административной реформы, затрагивающей вопросы всего спектра правовых отношений, имеющей непосредственный выход на государственно-правовое бытие самых разных субъектов.

**Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Российской таможенной академии (РТА), канд. юрид. наук А.Т. Потемкина** обратила внимание на то, что реализация уголовной ответственности на основании имеющих бланкетные диспозиции норм Особенной части УК РФ достаточно сложна и обращение к их анализу позволяет сформулировать основные подходы к их введению в уголовное законодательство.

Во-первых, конструирование бланкетных диспозиций уже предполагает наличие определенного юридически значимого документа. Его установление и толкование содержания позволяют решить вопрос о наличии либо отсутствии признаков подлежащей применению уголовно-правовой нормы, регламентирующей уголовную ответственность за определенное преступное посягательство.

Во-вторых, если отраслевым законодательством предусмотрен какой-либо социально значимый запрет, то ему должна корреспондировать бланкетная норма в законодательстве различных отраслей об ответственности за его нарушение. При этом, если то или иное нарушение соответствует признаку общественной опасности, должен быть сконструирован уголовно-правовой запрет. Эти два названных аспекта заслуживают самостоятельного рассмотрения.

Представляется возможным проанализировать их на реальных ситуациях. Так, при широко используемой в УК РФ (и не только) категории безопасности ее универсальное понятие, содержащееся в Законе РФ от 5 марта 1992 г. № 24446-1, из Федерального закона “О безопасности” от 28 декабря 2010 г. было изъято. Вместо этого универсального определения появилось большое их количество в различных правовых документах, безусловно, имеющих право на существование, но применительно к конкретным сферам (санитарным и фитосанитарным мерам, биотехнологиям, системам охраны и проч.).

В Федеральном законе “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” от 29 декабря 2010 г. (в ред. от 29 июня 2015 г.) (вступил в силу с 1 сентября 2012 г.) содержится категорический запрет на распространение конкретных видов причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей информации (ст. 5). В свою очередь, распространение среди детей перечисленных видов запрещенной информации предполагает наличие в законодательстве конкретных норм об ответственности. Она, конечно, есть, но возникает вопрос: отвечает ли требованиям достаточности? Речь идет о введенной Федеральным законом от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ в КоАП РФ ст. 6.21, установившей ответственность за пропаганду нетрадиционных отношений среди несовершеннолетних. В самом общем виде анализ имеющихся запретов отражает их недостаточность, в частности, применительно к уголовному законодательству.

**Заведующий кафедрой гражданского права Технологического института Южного федерального университета (г. Таганрог), канд. юрид. наук, доц. М.А. Костенко** отметила, что современные технологии воздействия на общество достаточно разнообразны, разрабатываются и применяются в целях формирования общественного мнения, изменения сложившихся установок, реакций населения на социально-политические процессы и создания новых импульсов воздействия на политическую и правовую реальность. Технологии выступают как раз тем инструментом, который позволяет государственной власти реализовывать стратегические цели и тактические задачи, целенаправленно воздействовать на социально-политическую сферу и оптимальными средствами формировать современное политико-правовое пространство. Причем разнообразие

используемых видов технологий воздействия на общественные отношения говорит об их инвариантной природе.

Политические технологии активно исследуются учеными и представляют собой методы, средства, действия, направленные на решение политических проблем, выработку и реализацию политики, повышение эффективности политического процесса и достижение желаемых результатов в сфере политики. Они призваны изменять политическую реальность, создавать новые импульсы в политической жизни общества, направленные на завоевание, удержание, укрепление и осуществление власти, а для этого требуется постоянное целенаправленное воздействие на политическое сознание и поведение.

При этом политические технологии имеют широкий арсенал нелегитимных, “грязных” инструментов, которые связаны с созданием неуправляемости современными политическими процессами либо обладают кажущейся управляемостью, способной в любой момент выйти из-под контроля. В отличие от политических, юридические технологии должны быть существенно ограничены от внешнего воздействия, являются территориально более локализованными и позволяют легитимировать политические технологии, необходимые для решения государственных задач. Вместе с этим юридическим технологиям уделено значительно меньше внимания со стороны научного сообщества, в том числе и в аспекте их взаимодействия с политическими технологиями.

Юридические технологии представляют собой систему научно обоснованных методов, средств, способов и приемов конструирования правовой реальности на основе выбора оптимальных процессов, процедур, действий, направленных на решение социально-политических и социально-экономических задач. Именно юридические технологии способны системно реализовать задачу качественного воплощения стратегии развития, администрировать и синхронизировать политические и юридические процессы, процедуры, действия и осуществлять контроль за ними. Развитие политических и юридических технологий должно идти по пути созидания во благо всего общества, обеспечивать прирост общественных ценностей и препятствовать возникновению новых социально-политических проблем, интегрировать технологические достижения и социальное развитие.

**Доцент Института права Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук Р.В. Пузиков** указал, что юридическая доктрина как выработанная юридической наукой система взглядов, выраженных в форме принципов, презумпций, аксиом и иных основоположений, есть модель позитивного права, определяет приоритетные направления, закономерности и тенденции развития правовой жизни общества.

Одной из предпосылок исследования эволюции правовой жизни в России с позиций юридической доктрины выступает необходимость расширения и уточнения категориального аппарата общей теории права и государства, объяснения сути и закономерности процессов, происходящих в развитии отечественной правовой жизни с точки зрения реалий современного Российского государства.

Правовая жизнь, как и все юридическое, изменяется во времени и должна изучаться диалектически не столько в статике, сколько в динамике.

В этой связи можно выделить следующие функции юридической доктрины в исследовании и регуляции правовой жизни:

функция объяснения и верификации современной правовой жизни;

прогностическая функция в свете изучения и прогнозирования дальнейшего развития правовой жизни;

стабилизационная функция.

Безусловно, это далеко не все функции юридической доктрины. Однако, используя даже приведенные примеры, по мнению выступавшего, можно с уверенностью утверждать, что юридическая доктрина, несомненно, выступает регулятором правовой жизни и должна быть нацелена на переустройство российской правовой жизнедеятельности, на повышение ее уровня и качества, степени гарантированности и надежности.

**Старший преподаватель кафедры теории государства и права СГЮА, канд. юрид. наук Р.С. Маркунин** акцентировал внимание на проблеме ответственности органов публичной власти. Институт ответственности властных субъектов – одно из главных обеспечительных средств поддержания законности и правопорядка, которое активно должно использоваться в практической деятельности. На основании проведенного анализа нормативно-правовой базы им сформулирован ряд предложений по совершенствованию механизма ответственности властных субъектов.

Сложившаяся ситуация в сфере ответственности органов законодательной власти на федеральном уровне приводит к выводу о том, что роспуск в качестве меры юридической ответственности в отношении парламента способен выполнять роль эффективного инструмента, с помощью которого общество приобретает реальную возможность оказывать влияние на деятельность представительного органа, отстаивая при этом свои интересы. В этой связи необходимо внесение изменений в действующее законодательство с целью установления такой возможности роспуска парламента непосредственно избирателями.

Должное внимание следует уделить и вопросу ответственности Правительства РФ. В частности, важно внести соответствующие поправки в действующую процедуру заслушивания ежегодных отчетов Правительства РФ о результатах его деятельности в Государственной Думе, а именно: закрепить возможность по итогам ежегодного отчета Правительства РФ признать его неудовлетворительным, инициировать процедуру парламентского расследования с применением мер ответственности в отношении конкретных лиц.

**Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета РГА, канд. юрид. наук А.Г. Никольская** посвятила свое выступление проблемным аспектам привлечения к уголовной ответственности за контрабанду и уклонение от уплаты таможенных платежей в контексте международной интеграции.

С 1 января 2015 г. начал функционировать Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и одновременно перестало существовать Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). Для квалификации таких преступлений, как контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей, а также определения отдельных предметов конфискации имущества, связанных с контрабандой, данный факт имеет существенное значение.

Действующий Уголовный кодекс содержит четыре статьи, предусматривающих ответственность за контрабанду различных предметов, формулировка места совершения преступления в диспозициях которых варьируется следующим образом: таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС – в ст. 200.1 УК РФ; таможенная граница Таможенного союза – в ст. 200.2 УК РФ; таможенная граница Таможенного союза

в рамках ЕврАзЭС либо Государственная граница Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС – в ст. 226.1 и 229.1 УК РФ, т.е. в трех статьях из четырех место совершения преступления напрямую связано с рамками действия прекратившего свое функционирование ЕврАзЭС. Несоответствие фактического места совершения деяния юридическому признаку места совершения преступления, предусмотренному конструкцией уголовно-правовой нормы, свидетельствует об отсутствии в деянии состава преступления. Ликвидация ЕврАзЭС привела к тому, что с 1 января 2015 г. представляется невозможным установление наличия состава большинства видов контрабанды, поскольку фактическое место незаконного перемещения не совпадает с местом преступления, предусмотренным диспозициями ст. 200.1, 226.1 и 229.1 УК РФ. Не может применяться также норма ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, которая относит к предмету конфискации деньги, ценности и иное имущество, являющееся предметом незаконного перемещения через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо через Государственную границу Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

Кроме того, объектом обложения таможенными платежами являются товары, перемещенные через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Следовательно, в настоящий момент не существует необходимого для квалификации уклонения от уплаты таможенных платежей предмета преступления, а значит, – деяний, содержащих состав преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ.

Изложенные выше проблемы требуют скорейшего разрешения, поскольку создают предпосылки для оправдания преступников по формальным основаниям, что уже имело место ранее в аналогичной правовой ситуации. На взгляд А.Г. Никольской, существующая правовая коллизия может быть устранена одним из следующих способов: посредством исключения из содержания норм ч. 1 ст. 104, ст. 194, 200.1, 226.1 и 229.1 УК РФ словосочетания “...в рамках ЕврАзЭС”; путем замены аббревиатуры ЕврАзЭС на аббревиатуру ЕАЭС.

**Заведующий кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского института (филиал) (г. Махачкала) ВГУЮ (РПА Минюста России), канд. ист. наук, доц. Б.Б. Сулейманов** отметил, что правовая жизнь постепенно превращается в одно из ведущих направлений отечественной правовой науки. При этом правовая жизнь как словосочетание, понятие достаточно широко использовалась в научной литературе. Однако многие моменты правовой жизни остаются спорными. Поэтому анализ основных методологических аспектов представляется необходимым.

Очевидно, что любая исследовательская проблема и любое формирование научной теории нуждаются в философском обосновании, т.е. имеют философскую основу. Даже поверхностный анализ научных работ о правовой жизни позволяет заключить, что нельзя однозначно выделить философское направление, которое являлось и является базовым для правовой жизни. В первое время, т.е. в начале 2000 годов, многие исследователи обращали свои взоры именно на философию жизни. Однако словесное совпадение (“философия жизни” и “правовая жизнь”) при всей привлекательности вряд ли может дать какой-то результат. “Философия жизни” не смогла оправдать методологических ожиданий.

Обоснование исследовательской программы шло и при помощи положений других направлений философии. Некоторые исследователи указывали на ограниченность системного подхода и в целом классического рационализма (В.В. Трофимов).

Анализ последних работ позволяет заключить, по мнению выступавшего, что симпатия многих исследователей на стороне представителей социологии права. По истечении значительного времени после выхода первых специальных работ о правовой жизни усилилось обоснование категории “правовая жизнь” со стороны представителей социологии права и, как следствие этого, открыто говорится об ограниченности позитивизма.

Очевидно, методология исследования правовой жизни, основанная на социологическом подходе, может привести к некоторым результатам. Однако, на взгляд Б.Б. Сулейманова, было бы ошибочно отрицать или исключать актуальность и значимость других подходов.

Правовую жизнь следует рассматривать не только как категорию, но и как метод научного исследования. Безусловно, при помощи правовой жизни можно составить целостную картину правовой реальности, отразив в ней не только положительные, но и негативные моменты. В частности, такой подход может быть применим при исследовании конкретного региона, например Республики Дагестан. Думается, прежде всего необходимо установить доминирующие факторы, влияющие на правовую жизнь. К ним можно отнести экономическое положение региона, межнациональные отношения, отношение к религии, уровень правового сознания и правовой культуры и др. Все это в совокупности и определяет панораму правовой жизни конкретного субъекта Федерации.

**Доцент Пензенского государственного университета, канд. юрид. наук С.Ю. Суменков** обратил внимание на то, что высокий конфликтный потенциал многочисленных и разнообразных субъектов общественных отношений провоцирует столкновение диалектически взаимосвязанных тенденций, имеющих место быть в социальной действительности.

Это, во-первых, стремление индивидов к жизни в среде себе подобных. Данное желание объясняется объективной потребностью к объединению, вызванной элементарной необходимостью выживания, а также субъективным влечением людей друг к другу.

Во-вторых, неизбежное наличие у любого человека (либо, как следствие, у обособившихся внутри социальных групп относительно автономных общностей) собственных, зачастую эгоистичных, несогласованных с иными членами коллектива интересов.

Специфика человеческого социума заключается в том, что он не может существовать и развиваться на основе установленных для всех его членов единых образцов, эталонов, моделей. Тем самым нельзя осуществлять руководство обществом как совокупности макро- и микрогрупп, индивидов, наделённых собственными интересами, используя только правила, направленные на ограничение этих интересов.

Но из правил могут быть исключения. Подобная аксиома характерна и для социальной сферы в целом, и для права, в частности. Исключения в праве – это допускаемые юридическими нормами и закреплённые в них отличные от общеустановленных правил положения, реализуемые уполномоченными на то субъектами при определенных условиях.

Исключения позволяют легальным образом “раздвинуть” нормативные рамки права; не посягая на саму его природу, сделать его более восприимчивым к экономическим, социальным, духовным и иным факторам реальной жизни, максимально учитывать объективные и субъективные особенности последних.

В этом контексте цель исключений – обеспечить дифференцированность и оперативность права, что в конечном счете даст

возможность добиться наибольшей полноты и эффективности правового регулирования, а следовательно, максимально полно удовлетворить интересы разнообразных субъектов общественных отношений.

**Доцент Института права Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, канд. юрид. наук А.Н. Шепелёв** посвятил свое выступление проблемам языкового манипулирования. Посредством языка происходит познание мира и, соответственно, осознание человека себя в нем. Язык, будучи инструментом познания, может быть использован как во благо, так и во зло человеку, поскольку, влияя на его восприятие, он указывает, где – “хорошее”, а где – “плохое”.

История, по мнению выступавшего, показывает, что язык может служить одним из инструментов принуждения, формой которого может являться манипулирование. Манипулирование, как правило, происходит посредством использования иностранных терминов, смысл которых при переводе уже имеет “нужную” направленность. Люди привыкают к иностранной терминологии, но при этом основное восприятие информации поверхностное. При языковом манипулировании используется воздействие на социальные и национальные чувства людей. Происходит разделение людей в их сознании на своих и чужих по различным признакам (прежде всего языковым), определяя их место в обществе и т.п.

В языке есть множество способов навязывания людям угодных кому-либо чувств и представлений. Вина за такие языковые злоупотребления лежит не на языке, а на его носителях.

Языковые механизмы манипулирования являются механизмами функционирования языка. Так, одни и те же средства применяются и для видоизменения реальных событий, и для их правдивого освещения. Языковые средства не предназначены исключительно для манипулирования, но практически каждое из них может быть использовано для этого. Общение всегда предполагает манипулирование, поэтому избежать его невозможно, только распознать его.

В результате властного использования языка образовывается язык управления – система всех средств и сигналов, с помощью которых “элита” обменивается информацией, строит свое общение с людьми. Это – язык администрирования, властных повелений, директив и декретов. От того, какой язык управления, насколько он “доходчив”, зависит эффективность управления в обществе.

**Доцент юридического факультета Астраханского государственного университета, канд. соц. наук О.Н. Коржиков** подчеркнул, что ситуация, при которой власть, увлечённая законотворчеством, отодвигает на второй план вопросы реализации права и, соответственно, правоохранительную деятельность, не только не способствует становлению законности и правопорядка в обществе, обеспечению прав личности, но и усиливает нигилистические настроения у граждан, подрывает их веру в право, снижает авторитет государственной власти. Отсюда исключительно большое значение играет правоохранительная политика.

Для того чтобы правоохранительная политика могла осуществлять свое социальное назначение, решать стоящие перед ней задачи, она должна обладать определенной структурой. Важным критерием структуризации правоохранительной политики является устройство государства. Исходя из данного критерия (принципа), правоохранительную политику можно подразделить на: а) федеральную (обеспечивающую общегосударственный интерес); б) региональную (деятельность федерального центра по повышению эффективности охранительной функции права, по

совершенствованию процесса охраны права, по выстраиванию полноценной правоохранительной системы в субъектах Федерации, федеральных округах с учетом региональных интересов); в) муниципальную (то же самое в муниципальных образованиях); г) политику субъектов Федерации (“политику регионов” как самостоятельное явление); д) политику органов местного самоуправления (политику муниципалитетов).

Все эти разновидности правоохранительной политики – составные части правоохранительной политики как целостного образования. Они не существуют в абсолютно обособленном виде, а напротив, выступают как явления, взаимно дополняющие друг друга.

Среди основных задач федеральной правоохранительной политики: обеспечение единства принципиальных подходов к правовому регулированию отношений в сфере правоприменения, верховенства Конституции РФ и федерального законодательства, единых стандартов прав и свобод граждан, защита прав национальных меньшинств, установление системы федеральных органов государственной власти, порядка их организации и деятельности, формирование федеральных органов государственной власти, установление основ федеральной политики и федеральных программ в области государственного развития Российской Федерации, создание системы общегосударственных гарантий законности взаимоотношений государства и граждан, формулирование основных принципов законотворческой и иной юридической деятельности субъектов Федерации и муниципальных образований в сфере правоохраны и т.п.

Правоохранительная политика регионов и муниципальных образований выстраивается на основе общенациональной правовой стратегии и призвана обеспечить с помощью средств правоохраны последовательное развитие региона и муниципального образования с учетом местных (региональных) особенностей.

Сегодня важной задачей всех уровней правоохранительной политики является выработка адекватных условиям современной России форм сочетания федеральных, региональных и местных начал в законодательстве, правоприменительной практике. При решении данной задачи следует избегать крайностей и стремиться к нахождению “золотой середины”.

**Директор Северо-Кавказского института (филиала) (г. Махачкала) ВГУЮ (РПА Минюста России), канд. юрид. наук Г.Б. Магомедов** отметил, что в соответствии с положениями нормы ч. 3 ст. 60 УК РФ суд, избирая наказание лицу, совершившему преступление, должен учитывать характер и степень общественной опасности содеянного и личность виновного, в том числе смягчающие и отягчающие обстоятельства, а также влияние назначенного наказания на исправление и на условия жизни его семьи. Иными словами, в рассматриваемой норме выражена позиция законодателя, ориентирующая правоприменителей на возможно более полную индивидуализацию наказания.

В юридической литературе названная норма расценивается как содержащая “принципиальные основные положения о строго индивидуальном подходе, которыми должен руководствоваться суд при назначении наказания”. Однако приведенная оценка рассматриваемой нормы носит достаточно общий характер, не отражая, собственно, того, в каких случаях имеет место действительно индивидуальный подход при назначении виновному наказания.

По мнению выступавшего, более конкретной (в сравнении с приведенной выше) является позиция Ю.Н. Юшкова, справедливо отметившего, что “индивидуализация наказания не может быть ограничена учетом общих положений уголовного законодательства в рамках состава преступления. Этих

положений, как правило, явно недостаточно, чтобы принцип индивидуализации наказания получил свое полное завершение. Путь индивидуализации наказания идет от абстрактного к конкретному, от общих указаний уголовного законодательства о составе преступления и личности виновного, совершившего преступное деяние, то есть выполняет задачу частного предостережения”.

В уголовном праве аксиомой выступает положение, согласно которому наказание с учетом конкретных обстоятельств совершения преступного деяния назначается конкретному лицу в соответствии с предписаниями уголовного закона об общих началах назначения наказания, регламентированных в ст. 60 УК РФ. При реализации положений названной нормы вряд ли было бы правомерным не учитывать основных направлений современной уголовной политики. Они выражаются в тенденции расширения сферы возможного применения альтернативных наказаний, т.е. наказаний, не связанных с изоляцией виновного от общества. Это достижимо путем внесения соответствующих законодательных изменений в санкции конкретных статей Особой части УК РФ.

**Доцент кафедры теории государства и права Северо-Кавказского института (филиала) (г. Махачкала) ВГУЮ (РПА Минюста России), канд. юрид. наук М.М. Гитинова и старший преподаватель той же кафедры А.А. Абдуллаев** подчеркнули, что правовая жизнь — весьма сложное явление, позволяющее дать характеристику уровню существующей юридической действительности, отношению субъектов к праву и степени удовлетворения их интересов, связанной с юридическими правилами поведения и с соответствующими юридическими последствиями. В этой связи особенно значим вопрос о личности преступника, являющийся одним из основных составляющих предмета науки криминологии, без которого невозможно выяснить все другие криминологические проблемы борьбы с преступностью как частью правовой жизни общества. Как свидетельствует анализ юридической литературы, отечественные ученые считают, что личность преступника представляет собой систему социальных и психических свойств, образующих ее общественную опасность, которая детерминирует совершение преступления.

Преступления совершают определенные люди. В одних и тех же условиях и весьма сходных ситуациях один человек может совершить преступление, другой не нарушит закон. Многие зависят от психологии индивида, и если человек признает закон справедливым, он его соблюдает в любых обстоятельствах; если индивид воспитан в духе неуважения закона, он совершит противоправный поступок. О личности преступника можно говорить лишь применительно к субъекту преступления, т.е. лицу, уже совершившему преступление. До совершения преступления присущие правонарушителю антисоциальные свойства личности могут характеризоваться как криминогенно-предпреступные, но не криминогенно опасные.

Таким образом, личность преступника, с одной стороны, — понятие общесоциологическое, с другой — юридическое. Это означает, что личность преступника нельзя рассматривать в отрыве от социальной сущности человека, вне связи со всей системой общественных отношений (правовой жизни), участником которых он является. Под их воздействием формируется не только его социальный облик как целостное единство конкретного лица, но и образующие его нравственно-психологические черты и свойства (взгляды, убеждения, ценностные ориентации, жизненные ожидания, интеллектуальные и волевые свойства).

**Преподаватель кафедры теории государства и права Северо-Кавказского института (филиала) (г. Махачкала) ВГУЮ (РПА Минюста России) Е.Г. Камышова** в своем выступлении отметила,

что проблема взаимодействия таких юридических средств, как запрет и санкция, в уголовном праве представляет большой интерес. Их связь очевидна. Система карательных санкций, существующая в рамках того или иного правового порядка, основана в первую очередь на ценностях негативного характера. Круг деяний, признаваемых правонарушениями в данном обществе, отражает представления о том, какие формы поведения вредны, деструктивны, неприемлемы с точки зрения общепринятых ценностей. Часть правонарушений, которая наносит наибольший вред обществу, — преступления, вытесняются при помощи уголовно-правовых средств, основными из которых являются санкции и запреты.

В уголовном праве принято считать, что именно санкция статьи уголовного закона отражает своим содержанием характер и степень опасности данного вида преступлений, поэтому именно по ее характеру и размеру судят об опасности преступлений соответствующего вида. Санкция уголовно-правовой нормы не имеет столь же четкого и однозначного выражения и привязки к конкретным видам преступлений. Зато именно она выражает юридическую обязанность воздерживаться от совершения определенного действия известного рода, т.е. фактически взаимосвязана с запретом.

Для того чтобы понять, как взаимосвязаны запрет и санкция в уголовном праве, необходимо определить предмет правового регулирования запрещающей нормы. Запрет не может иметь предметом своего регулирования отношения, которые вытесняются. При соблюдении запрета субъект уголовно-правовых отношений отграничивает себя от вытесняемых отношений, не вступает в них.

Таким образом, в целом запреты и санкции есть взаимосвязанные категории, однако между ними нет жесткой взаимозависимости. При реализации уголовно-правовых норм нарушение запрета, выраженного в форме пассивной обязанности, предполагает применение санкции.

**Александр Васильевич Малько, директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, главный редактор журнала “Правовая политика и правовая жизнь”, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ (E-mail: i\_gp@ssla.ru);**

**Наталья Викторовна Кроткова, заместитель главного редактора журнала “Государство и право” РАН, канд. юрид. наук (E-mail: krotkova2012@yandex.ru);**

**Бигрузи Бухаринович Сулейманов, зав. кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского института (филиал) (г. Махачкала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), канд. ист. наук, доц., заслуженный юрист Республики Дагестан (E-mail: doktorb@yandex.ru)**

**Alexander Malko, Director of the Saratov branch of the Institute of state and law of RAS, Chief Editor of journal “Legal policy and legal life”, Doctor of Law, Professor, honored scientist of the Russian Federation (E-mail: i\_gp@ssla.ru);**

**Natalya Krotkova, Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences, PhD in Law (E-mail: krotkova2012@yandex.ru);**

**Behrouzi Suleymanov, head of department of theory of state and law of North-Caucasus Institute (branch) (Makhachkala) of the all-Russian state University of justice (RLA of the Ministry of justice of Russia), PhD in History, associate Professor, honored lawyer of the Republic of Dagestan (E-mail: doktorb@yandex.ru)**